

© 2021. А. В. Гулин
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Декабристы в эпическом отображении Л. Н. Толстого и Н. А. Некрасова

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102*

Аннотация: Статья посвящена изучению предпринятых Л. Н. Толстым в жанре романа и Н. А. Некрасовым в жанре поэмы наиболее масштабных в русской литературе XIX в. попыток создать эпическое произведение на материале движения декабристов и судеб его участников. Исследование основных этапов работы Толстого над неосуществленным замыслом «Декабристов», а Некрасова над поэмой «Дедушка» и циклом поэм «Русские женщины» позволяет сделать вывод о том, что работа над эпическими произведениями в прозе и в стихах привела Толстого и Некрасова к результатам крайне несхожим. Психологически углубленные толстовские зарисовки и горячий, а местами мелодраматический пафос поэм Некрасова образовали во многом контрастные художественные миры. Нравственный поиск Толстого в несостоявшемся романе предполагает разрешение общественных противоречий в области своеобразной «религии чувства» и вызывает грандиозный «побочный эффект» — создание романа-эпопеи «Война и мир». Поэмы Некрасова вслед за публицистикой А. И. Герцена закладывают основы декабристского мифа и культа декабристов как мучеников революционной веры. Выдвигается гипотеза о том, что неудача Толстого в работе над романом о декабристах и малая художественная состоятельность «декабристских» поэм Некрасова объясняются отсутствием в историческом материале основы для подлинно эпического творчества.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, С. Г. Волконский, декабристы, «Война и мир», «Дедушка», «Русские женщины», эпическое.

Информация об авторе: Александр Вадимович Гулин, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: gulinimli@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.02.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 18.03.2021

Дата публикации статьи: 28.06.2021

Для цитирования: Гулин А. В. Декабристы в эпическом отображении Л. Н. Толстого и Н. А. Некрасова // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 96–119.

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-96-119>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 96–119. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 96–119. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Alexander V. Gulin
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Decembrists in the Epic Representation of L. N. Tolstoy and N. A. Nekrasov

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-012-00102.

Abstract: The article considers the most ambitious attempts in Russian literature of the 19th century to create an epic work on the material of the Decembrist movement and the fate of its participants made by L. N. Tolstoy in the genre of novel and by N. A. Nekrasov in the genre of poem. The study of main stages of Tolstoy's work on the unfulfilled plan of the *Decembrists* and Nekrasov's work on the poem *Grandfather* and the cycle of poems "Russian Women" allows to conclude that Tolstoy and Nekrasov, creating their epic works in prose and verse, came to extremely dissimilar results. Tolstoy's psychologically deep sketches and hot and sometimes melodramatic pathos of Nekrasov's poems formed in many ways contrasting artistic worlds. Tolstoy's moral search in the failed novel presupposes the resolution of social contradictions in the field of a kind of "religion of feeling" and causes a grandiose "side effect" — the creation of the epic novel *War and Peace*. Nekrasov's poems, following the journalism of A. I. Herzen, laid the foundations of the Decembrist myth and the cult of the Decembrists as martyrs of the revolutionary faith. The hypothesis is put forward that Tolstoy's failure to work on a novel about the Decembrists and the low artistic viability of Nekrasov's *Decembrist* poems are explained by the lack of a basis for truly epic creativity in the historical material.

Keywords: L. N. Tolstoy, N. A. Nekrasov, S. G. Volkonsky, the Decembrists, *War and Peace*, *Grandfather*, *Russian Women*, epic.

Information about the author: Alexander V. Gulin, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: gulinimli@yandex.ru

Received: February 11, 2021

Approved after reviewing: March 13, 2021

Published: June 28, 2021

For citation: Gulin, A. V. "The Decembrists in the Epic Representation of L. N. Tolstoy and N. A. Nekrasov." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 2, 2021, pp. 96–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-96-119>

Л. Н. Толстого и Н. А. Некрасова в 1850-е гг. — первое время их знакомства — соединяли многообразные творческие, деловые и жизненные связи. Именно Некрасов и его журнал «Современник» (впрочем, избранные для дебюта самим молодым писателем) открыли Толстому дорогу в литературу. Роль Некрасова в распознавании дарования Толстого, в том, что его творческий путь с первых шагов сложился так, а не иначе, что издательская судьба ранних произведений писателя оказалась исключительно благоприятной, общеизвестна. С исчезновением прямых творческих контактов и нарастанием идейных противоречий на протяжении 1860–1870-х гг. отношения Некрасова и Толстого ограничились редкой деловой перепиской. Тем показательнее, при всем расхождении художественных и человеческих судеб, выглядят в это время творческие сближения старшего и младшего литераторов. Наиболее очевидным здесь, конечно, является пристальный интерес одного и другого к русскому крестьянскому миру. Но по-своему не менее значительной выглядит и многолетняя увлеченность обоих художников темой декабристов.

Декабризм как идейное, духовное, психологическое, сословное явление, как предмет и содержание творчества со времени его появления и на протяжении всего XIX столетия сохранял более или менее постоянное значение для русской литературы. Декабристская проблематика прямо, а чаще глубинно присутствует в творчестве большинства русских писателей-классиков — прежде всего, как составляющая огромной, по сути эсхатологической темы революции и традиции в национальной жизни. Но только Некрасову и Толстому, одному — в форме поэмы, другому — в форме романа, принадлежат в большой русской литературе попытки создать эпическое произведение о декабристах. Существуют в этих попытках — по видимости, параллельных, как будет видно из дальнейшего, — и вполне очевидные пересечения.

Непосредственный интерес к декабристам и декабризму оживился в русском обществе одновременно с коронационным манифестом 1856 г., одна из статей которого объявляла о помиловании сибирских изгнанников. Вскоре началось возвращение тех из них, кто остался жив, в центральную Россию. К тому же времени относился и первый замысел произведения Толстого о декабристах. «В 1856 году, — говорил писатель, — я начал писать повесть с известным направлением, героем которой должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию» [Толстой 1928–1958. 13: 53]. Возможно, здесь имеется в виду только замысел произведения, потому что в начале 1861 г., находясь за границей, Толстой сообщил А. И. Герцену: «Я затеял месяца четыре тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист. Я хотел поговорить с вами об этом, да так и не успел. — Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгий и несколько идеальный взгляд к новой России. Скажите, пожалуйста, что вы думаете о приличии и своевременности такого сюжета. Тургеневу, кот<орому> я читал начало, понравились первые главы» [Толстой 1928–1958. 60: 373]. Работа над романом продолжалась и в конце 1862 г., что отметила вскоре после свадьбы молодая жена Толстого Софья Андреевна. В результате появились три черновые главы произведения о современности, в которых действовал только что вернувшийся из Сибири старик-декабрист с вымышленным именем Петр Лабазов.

С «декабристским» сюжетом оказался теснейшим образом связан замысел романа-эпопеи «Война и мир». Толстой, по его широко известному признанию, совершил как бы «возвратный» путь от 1856 г. к началу жизни своего героя: «Итак, от 1856 года возвратившись к 1805 году, я с этого времени намерен провести уже не одного, а многих моих героинь и героев через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825 и 1856 года. Развязки отношений этих лиц я не предвижу ни в одной из этих эпох» [Толстой 1928–1958. 13: 53]. Но только в эпилоге «Войны и мира» тема декабристов снова заявила о себе со всей очевидностью. Писатель не считал ее вполне освоенной, в 1870-х гг. он снова вернулся к «декабристскому» замыслу. Но особенно увлекла его эта работа после окончания в 1877 г. романа «Анна Каренина», когда в 1878–1879 гг. было написано подавляющее большинство из пятнадцати сохранившихся «начал» «декабристского» романа. По существу, это был новый срав-

нительно с «лабазовским» романом 1860-х гг. творческий замысел. Он также не получил дальнейшего развития. Однако в 1884 г., по просьбе издателей сборника «XXV лет» Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, Толстой отдал в печать под общим названием «Декабристы» три давние главы и два фрагмента конца 1870-х гг., тем самым объединив их в одно целое. Возможно, этим подчеркивалось, что работа над «Декабристами» была своеобразным, хотя и прерывистым фоном для создания двух великих шедевров русской литературы: «Войны и мира» и «Анны Карениной».

Поэмы Некрасова о декабристах создавались в гораздо более короткий период. Первая из них — «Дедушка» — была написана и сразу же опубликована в 1870 г., а две части единого цикла «Русские женщины» появились соответственно — «Княгиня Трубецкая» в 1871 г. (первая публикация — 1872 г.), и «Княгиня М. Н. Волконская» в 1872 г. (первая публикация — 1873 г.). Поэт предполагал, что завершением цикла станет третья поэма, посвященная А. Г. Муравьевой, но она так и осталась в замыслах.

И Толстой, и Некрасов, подступая к декабристской теме, стремились к возможно большей фактической обоснованности своих произведений. Толстой за два десятилетия, в течение которых продолжались его попытки писать роман о дворянских революционерах, лично познакомился с несколькими из них. Первым и, вероятно, самым счастливым знакомством было несколько месяцев, проведенных писателем в Монтрё и Веве на берегу Женевского озера весной и летом 1857 г. в одной дружеской компании с братом лицейского товарища Пушкина М. И. Пущиным (которого, впрочем, можно считать декабристом только с известными оговорками). Разумеется, Толстого связывали с декабристами не только творческие интересы, но и простая сословная принадлежность к одному достаточно узкому кругу и родственные связи с некоторыми из них. Так, в конце 1860 г. Толстой встретился во Флоренции со своим троюродным дядей С. Г. Волконским и его женой Марией Николаевной (урожденной Раевской). В круг лично ему известных декабристов, к которым писатель много позднее обращался именно в поиске необходимых материалов, вошли М. И. Муравьев-Апостол, П. Н. Свистунов, А. П. Беляев, Д. И. Завалишин. Печатные и рукописные источники о людях 14 декабря также изучались Толстым, особенно в 1870-е гг., с предельной основательностью.

Некрасов, не имея столь широких связей среди декабристов, тоже собирал сведения о них в 1860–1870-е гг. Достаточно сказать, что никому не известные в ту пору рукописные «Записки» М. Н. Волконской (впервые опубликованы только в 1904 г.) в течение нескольких вечеров ему читал вслух, тут же переводя с французского, который поэт знал недостаточно, сын декабриста и хороший знакомый Некрасова М. С. Волконский.

Работа над эпическими произведениями о декабристах в прозе и в стихах, как того и следовало ожидать, привела Толстого и Некрасова к результатам крайне несхожим. Психологически углубленные толстовские зарисовки и горячий, а местами и мелодраматический пафос поэм Некрасова образовали во многом контрастные художественные миры. То же самое можно сказать и о глубинных идейных установках каждого из художников: нравственный поиск Толстого, предполагающий разрешение общественных противоречий исключительно в области своеобразной «религии чувства», и вполне радикальный некрасовский социальный протест в сочетании с демократическим «прогрессизмом» поэта создают впечатление ни в чем не сходящихся крайних позиций. Тем не менее одно и другое существует в пределах единого принципа, некоего преемственного по отношению к декабризму своеобразного жизненного идеала. Намерение искать духовную и нравственную опору для современного мира именно в декабристах само по себе выглядело у каждого из художников весьма красноречивым.

В 1858 г., разочарованный духом преобразований своего времени, Толстой написал В. П. Боткину: «Политическая жизнь вдруг неожиданно обхватила собой всех. Как бы мало кто ни был приготовлен к этой жизни, всякий чувствует необходимость деятельности. И что говорят и что делают, страшно и гадко становится. <...> А людей, которые бы просто силой добра притягивали бы к себе и примиряли людей в добре, таких нету» [Толстой 1928–1958. 60: 245, 247]. Первый «декабристский» роман задумывался Толстым именно в русле этого высказывания. Описание русской современности выглядело здесь жёлчно-сатирическим: «Это было недавно, в царствование Александра II, в наше время — время цивилизации, прогресса, *вопросов*, возрождения России и т. д., и т. д. В то время, когда победоносное русское войско возвращалось из сданного неприятелю Севастополя, когда вся Россия торжествовала уничтожение черноморского флота, и белокаменная Москва

встречала и поздравляла с этим счастливым событием остатки экипажей этого флота, подносила им добрую русскую чарку водки и, по добром русскому обычаю, хлеб-соль и кланялась в ноги <...>, явились вопросы кадетских корпусов, университетов, цензуры, изустного судопроизводства, финансовый, банковый, полицейский, эманципационный и много других. Все старались отыскивать еще новые вопросы, все пытались разрешать их, писали, читали, говорили проекты, всё хотели исправить, уничтожить, переменить, и все россияне, как один человек, находились в неопisanном восторге» [Толстой 2000. 4: 179–180].

Движение писателя к «Войне и миру» совершалось как бы от противного, в поиске исторической точки опоры: «Русский мир эпохи первой Отечественной войны представлял собой, по мысли Толстого, необходимую нравственную альтернативу отравленной духом разлада современности. Этот ясный устойчивый мир, хорошо понимал писатель, таил в себе вечные духовные ориентиры. Повинуясь верному историческому чутью, Толстой избрал в 1860-е годы предметом для своего творчества единственную в XIX веке эпоху неомраченного, основанного на действительной нравственной связи сплочения всех сословий, всех элементов общества» [Гулин 2018: 11–12]. Тем показательнее, что совершенно в духе современных ему идейных и нравственных блужданий Толстой связал русскую победу над Наполеоновским нашествием и зарождение декабризма. Нам уже приходилось неоднократно говорить об этом устойчивом представлении двух минувших столетий: «Наши современники часто думают <...>, что восстание декабристов было прямо подготовлено событиями 1812 года. Долгое время дело представлялось так, будто спасители Отечества от нашествия извне хотели теперь спасти его изнутри. Но стоит лишь различить в тумане позднейших наслоений живые ценности той великой войны, как декабристы предстанут едва ли не продолжателями дела Наполеона на русской почве. Да, многие из них были участниками только что отгремевшей священной брани. Но это они же (и с этим тоже нельзя поспорить!) покусились несколько лет спустя на те самые святыни, что отстояли, сознательно или нет, в прошедшие годы» [Гулин 2003: 16–17].

Возможно, Петр Лабазов — центральный персонаж начатого, но так и не законченного «декабристского» романа начала 1860-х гг. как раз и виделся Толстому героем, примиряющим людей в добре среди наступившего общественного хаоса. Таким же персонажем отчасти оказался

и Пьер Безухов на страницах эпилога «Войны и мира». Безухов — очень странный декабрист, не заговорщик, не политик. Он человек, всем без исключения желающий добра, каким он его себе представляет, каким он понял его в 1812 г. «Ведь я не говорю, — утверждал он, — что мы должны противудействовать тому-то и тому-то. Мы можем ошибаться. А я говорю: возьмемтесь рука с рукою те, которые любят добро, и пусть будет одно знамя — деятельная добродетель» [Толстой 1928–1958. 12: 291].

Между тем именно «каратаевские» открытия, сделанные Безуховым на исходе 1812 г., неумолимо влекли героя к попытке «освободить» общество от любых «цивилизованных» начал. В эпилоге «Войны и мира» разгорался спор о современности между Пьером и его новым родственником Николаем Ростовым. И далеко не Ростов, готовый исполнить согласно присяге любой приказ нелюбимого Безуховым Аракчеева, выступал зачинщиком этого конфликта. Это Пьер, убежденный, что без него «все распадается», говорил и действовал как обладатель последней истины. Он мечтал, что «люди добра» все вместе предотвратят новую пугачевщину. Однако подобный рецепт исцеления «по-безуховски» не обещал подлинной России ни мира, ни согласия. Слишком своевольным, гордым, расплывчатым было это добро, в одиночку найденное героем. Толстовская религия безгрешного человечества (сквозная для Толстого формула — «Нет в мире виноватых») приносила совсем не те плоды, о которых мечталось.

Прообразом декабриста Лабазова у Толстого и дедушки из одноименной поэмы Некрасова (или одним из таких прообразов) можно вполне определенно считать Сергея Григорьевича Волконского — единственного действующего генерала среди декабристов на момент разгрома дворянских революционеров. И в «лабазовских» главах «декабристского» романа Толстого, и в поэме Некрасова действие происходит в период возвращения героя из Сибири. И там и здесь в облике декабриста подчеркиваются поражавшие современников чуть ли не библейские черты, которые отличали старика Волконского. Уже в начале XX в. Толстой вспоминал о своей встрече с ним в 1860 г.: «Его наружность, — с длинными седыми волосами была совсем как у ветхозаветного пророка... Это был удивительный старик, цвет петербургской аристократии, родовитой и придворной» [Гольденвейзер: 141].

Разумеется, у Толстого никогда не заходила речь о святости декабристов. Зато в поэмах Некрасова «мученики свободы» нередко выгля-

дели именно как святые новой революционной веры. Некрасов, безусловно, вполне разделял мысли на сей счет главного основоположника декабристского мифа в русском общественном сознании и создателя своеобразной «религии декабризма» А. И. Герцена. Характерными в этом смысле выглядят слова, прозвучавшие в короткой герценовской заметке «Князь Сергей Григорьевич Волконский» на смерть декабриста в 1865 г.:

Сходят в могилу великие страдальцы николаевского времени, наши отцы в духе и свободе, герои первого пробуждения России, участники великой войны 1812 и великого протеста 1825...

Пусто... мелко становится без них...

Князь Сергей Григорьевич Волконский скончался 28 ноября (10 декабря).

С гордостью, с умилением вспоминаем мы нашу встречу с старцем в 1861 году. Говоря об ней в «Колоколе» <...>, мы боялись назвать старца.

«...Старик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о *своих*, о Пестеле, о казематах, о каторге, куда он пошел молодым, блестящим и откуда только что воротился седой, старый, еще более блестящий, но уж иным светом.

Я слушал, слушал его — и когда он кончил, хотел у него просить напутственного благословения в жизнь — забывая, что она уже прошла... и не одна она... <...> Пограничные споры двух поколений, поддерживающие их память, надоедят — и из-за них всплывут тени старцев-хранителей и, через кладбище сыновей своих, призовут внуков на дело и укажут им путь».

Удивительный кряж людей... Откуда XVIII век брал творческую силу на создание гигантов везде, во всем, от Ниагары и Амазонской реки до Волги и Дона?.. Что за бойцы, что за характеры, что за *люди*! [Герцен 19: 16–17].

Некрасовское изображение дедушки, его первой встречи с родными после сибирского изгнания определенно имело одним из своих источников эту неподцензурную заметку Герцена и оказалось выдержано в той же восторженно-религиозной тональности:

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...

Благословил он, рыдая,
 Дом, и семейство, и слуг,
 Пыль отряхнул у порога,
 С шеи торжественно снял
 Образ распятого бога
 И, покрестившись, сказал:
 — Днесь я со всем примирился,
 Что потерпел на веку!.. —
 Сын пред отцом преклонился,
 Ноги омыл старику;
 Белые кудри чесала
 Дедушке Сашина мать,
 Гладила, их, целовала,
 Сашу звала целовать [Некрасов 4: 111–112].

«Декабристы, — резюмирует Е. Б. Васильева свой комплексный анализ изданий А. И. Герцена и Н. П. Огарева, — идентифицировались как “святые мученики”, “святые отцы”, “мученики 14 декабря”, “великие мученики”. Редакторы проводили прямое отождествление декабристов с Христом, так как декабристы вышли на Сенатскую площадь чтобы “...очистить детей рожденных в среде палачества и раболепия”. Возвращение же декабристов из ссылки уподоблялось воскрешению, дающему России еще один шанс нового, справедливого будущего...» [Васильева: 72].

У Некрасова в поэме тоже следует целый ряд определений, по видимости, растворенных в тексте (в том числе, несомненно, из цензурных соображений), но все-таки образующих представление о дедушке как идеальном герое, праведнике «новой веры»:

Дедушка древен годами,
 Но еще бодр и красив,
 ...
 Строен, высокого роста,
 Но как младенец глядит,
 Как-то апостольски-просто,
 Ровно всегда говорит... [Некрасов 4: 112].

В том же духе выдержано и одно из наиболее выразительных мест в поэме:

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданье
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влиянье
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал... [Некрасов 4: 120].

Свое продолжение эти строки получают в обеих поэмах цикла «Русские женщины». Но с особенной силой представление о святости декабристов прозвучит в прямой речи главной героини второй поэмы М. Н. Волконской:

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная... [Некрасов 4: 161].

Продолжением сказанному у Некрасова служил эпизод уже действительной встречи Волконской с мужем, почерпнутый поэтом из сообщенных ему изустно записок княгини, правда, перенесенный для

поэтического эффекта непосредственно в рудник, под землю, где работали в первые годы своего заключения некоторые декабристы. Здесь, между прочим, появились и допускающие двойное (в случае с «передовой общественностью» можно не сомневаться, какое) толкование строки о «мстительном палаче»:

Да, цепи! Палач не забыл никого
 (О, мстительный трус и мучитель!), —
 Но кроток он был, как избравший его
 Орудьем своим искупитель.
 ...
 Я только теперь, в руднике роковом,
 Услышав ужасные звуки,
 Увидев оковы на муже моем,
 Вполне поняла его муки,
 И силу его... и готовность страдать!
 Невольно пред ним я склонила
 Колени, — и прежде чем мужа обнять,
 Оковы к губам приложила!.. [Некрасов 4: 183–184].

Вскоре после публикации поэмы Ф. М. Достоевский на страницах «Дневника писателя» за 1873 г. поставил эту сцену (жена целует оковы своего мужа прежде, чем поцеловать самого мужа) под сомнение как психологически неточную. Писатель говорил о «мундирности» поэмы, подразумевая в этом случае некий обязательный в «рукопожатном» обществе того времени либерально-фрондерский «мундир». «Я читал две последние поэмы Некрасова — решительно этот почтенный поэт ходит теперь в мундире. А ведь даже и в этих поэмах есть несколько хорошего и намекает на прежний талант г-на Некрасова. Но что делать: мундирный сюжет, мундирность приема, мысли, слога, натуральности... да, мундирность даже самой натуральности. Знает ли, например, маститый поэт наш, что никакая женщина, даже преисполненная первейшими гражданскими чувствами, приившая, чтобы встретиться с несчастным мужем, столько трудов, проехавшая шесть тысяч верст в телеге <...> — знаете ли вы, поэт, что эта женщина ни за что не поцелует сначала цепей любимого человека, а поцелует непременно сначала его самого, а потом уже его цепи, если уж так сильно и внезапно

пробудится в ней великодушный порыв гражданского чувства, и так сделает всякая женщина решительно» [Достоевский 21: 73]. Тем самым Достоевский невольно вступил в полемику не только с автором поэмы, но и с ее источником, дотошно пересказанным у Некрасова. Однако создатель «Записок из Мертвого дома» все-таки лучше многих понимал, о чем он говорит. Всегда высоко почитаемый Достоевским подвиг жен декабристов, нередко их действительно христианское страдание за своих мужей представляли в поэме как прямое соучастие в деле дворянских революционеров.

Из приведенных примеров хорошо заметно различие подходов к теме декабристов Толстого и Некрасова. Тем не менее это не исключает наличия некой глубинной точки соприкосновения двух художников, которую особенно ярко демонстрирует творческий сюжет с «декабристским» эпилогом «Войны и мира» и поэмой «Дедушка». Печатание романа-эпопеи было завершено Толстым осенью 1869 г. Некрасовская поэма написана в следующем 1870 г. Даже учитывая, что важнейшим импульсом для ее создания Некрасову служили воспоминания и размышления о Волконском А. И. Герцена, можно почти уверенно говорить и о том, что эпилог «Войны и мира» тоже был внимательно прочитан поэтом.

На эти мысли наводит заметная смысловая перекличка двух произведений. Скажем, приехавший из Петербурга Пьер Безухов говорит в разговоре с Николаем Ростовым: «Положение в Петербурге вот какое: государь ни во что не входит. Он весь предан этому мистицизму (мистицизма Пьер никому не прощал теперь). Он ищет только спокойствия, и спокойствие ему могут дать только те люди *sans foi ni loi* (без совести и чести — *фр.*), которые рубят и душат всё сплеча: Магницкий, Аракчеев и *tutti quanti* (тому подобные — *ит.*) <...> — Ну, и все гибнет. В судах воровство, в армии одна палка: шагистика, поселения, — мучат народ, просвещение душат. Что молодо, честно, то губят! Все видят, что это не может так идти» [Толстой 1928–1958. 12: 182]. А дедушка у Некрасова вдохновенно рисует малолетнему внуку такую картину из прошлых дней:

Впрочем, не то еще было!
И не одни господа,
Сок из народа давила

Подлых подьячих орда.
 Что ни чиновник — стяжатель
 С целью добычи в поход
 Вышел... а кто неприятель?
 Войско, казна и народ!
 Всем доставалось исправно.
 Стачка, порука кругом:
 Смелые грабили явно,
 Трусы тащили тайком.
 Непроницаемой ночи
 Мрак над страной висел...
 Видел — имеющий очи
 И за отчизну болел [Некрасов 4: 117].

Но куда важнее в поэме Некрасова собственно несущий поэтический прием: дедушка-революционер, не сообщая внуку причину своего многолетнего страдальческого отсутствия, исподволь, шаг за шагом готовит мальчика к тому, чтобы открыть ему свою тайну — и одновременно к чему-то великому и светлому, очевидно, к подвигу на благо народа и страны:

Время проходит. Исправно
 Учится мальчик всему —
 Знает историю славно
 (Лет уже десять ему),
 Бойко на карте покажет
 И Петербург, и Читгу,
 Лучше большого расскажет
 Многое в русском быту.
 Глупых и злых ненавидит,
 Бедным желает добра,
 Помнит, что слышит и видит...
 Дед примечает: пора!
 Сам же он часто хворает,
 Стал ему нужен костыль...
 Скоро уж, скоро узнает
 Саша печальную быль... [Некрасов 4: 122].

Вероятнее всего, поэт прямо развивал здесь мечту Герцена о том, что «тени старцев-хранителей» «призовут внуков на дело и укажут им путь». Но даже в том случае, если Некрасов писал свою поэму, не оглядываясь вольно или невольно на роман-эпопею Толстого, оба художника видели будущее России примерно в одном ключе. Сентиментальный идеализм Толстого и революционно-демократический энтузиазм Некрасова приводили к похожим последствиям. Своеобразной мерой правоты «декабриста» Пьера Безухова и «охранителя» Николая Ростова в «Войне и мире» стало причудливое отражение их спора во внутреннем мире юного Николеньки Болконского. Странный сон, увиденный мальчиком, завершал художественный рассказ эпилога и завершал собственно роман. Дядя Пьер и он сам в касках, наподобие тех, что носили герои античности (Николенька увлекался Плутархом), войско, которое они ведут за собой, дядя Николай Ильич, грозно ставший у них на пути, князь Андрей — умерший отец, который внезапно слился с образом Пьера и заменил его собой. Проснувшийся Николенька грезил о подвигах, о славе. Но больше всего — о чем-то возвышенном и прекрасном, что сделает он сам во имя всех людей: «Я знаю, они хотят, чтобы я учился. И я буду учиться. Но когда-нибудь я перестану; и тогда я сделаю. Я только об одном прошу Бога: чтобы было со мною то, что было с людьми Плутарха, и я сделаю то же. Я сделаю лучше. Все узнают, все полюбят меня, все восхитятся мною». И вдруг Николенька почувствовал рыдания, захватившие его грудь, и заплакал» [Толстой 1928–1958. 12: 294].

В этих мечтах о благе человечества Николенька был заодно с Безуховым, так же, как Саша у Некрасова имел перед собой пример дедушки. Но сон Николеньки, но благородные устремления Саши никому не предвещали мира, потому что «естественное» добро Безухова, потому что благородная борьба дедушки «за все хорошее против всего плохого», устремляясь в подлинную жизнь со страниц художественной реальности, обещали этой жизни поистине великие потрясения. Слишком своевольным оказывалось и это пережитое двумя мальчиками разных поколений «не названное, но высокое».

В 1872 г. старший современник Толстого и Некрасова П. А. Вяземский, обращаясь к своему многолетнему корреспонденту Петру Ивановичу Бартеневу, написал по поводу недавно подготовленного Бартеневым сборника исторических материалов «XIX век»: «К чему, например,

дали Вы так много места декабристам в сборнике XIX века? Неужели значение их в историческом отношении так крупно, что оно может обозначать эпоху и что с них как будто следует начинать новое летоисчисление? В беспристрастной оценке этого дела нельзя не прийти к заключению, что умыслы их были преступны и безумны не только противу правительства, но и противу России, которая не устояла бы или, по крайней мере, надолго была бы потрясена, если бы покушение их увенчалось успехом. Оно залило бы Россию кровью, и эти передовые люди утоплены были бы в этой крови другими лицами, передовейшими. Да и самые передовые лица были ли в самом деле крупные исторические личности? Ни в одном из них не было государственных залогов и зачатков. Они были политические Белинские. <...> Мысль, что Россия утратила в них много обещавшую жатву, — мысль, по мне, неверная» [Летописи: 495–496, 497].

Пожалуй, Вяземский ошибался только в одном — в готовности преобладающего большинства своих образованных современников действительно вести новое летоисчисление «по декабристскому календарю». В остальном же, увы, слишком многое подтверждало его правоту. Скажем, создававшийся С. Г. Волконским на старости лет «Записки» (они завершаются рассказом о начале следствия по делу декабристов) представляют образ мемуариста, весьма далекий от тех «гигантов», которые грезились мечтательному Герцену. И дело здесь даже не в том, что подобно всем вообще декабристам Волконский не испытывал и малейших угрызений совести по поводу погубленных революционерами подчиненных им «нижних чинов», а в чрезвычайной простоте, односложности — если использовать определение К. Н. Леонтьева, «высоких помыслов» рассказчика.

«Как я уже упомянул, — пишет Волконский — во время первого моего пребывания в Киеве я вошел в кружок людей мыслящих, что дела их не должны ограничиваться шарканьем и пустопорожней жизнью петербургских гостинных и шагистикой военной гарнизонной жизни, а что жизнь и дела их должны быть посвящены пользе родины и гражданским преобразованиям, имеющим целью поставить Россию на уровень гражданского быта, введенного в Европе в тех государствах, где начало было не власть деспотов, но права человека и народов, и к этому времени надо приписать первые общие попытки общественного мнения к уничтожению крепостного права» [Волконский: 407]. Престарелый

декабрист будет вполне искренне приписывать усилиям людей 1825 г. состоявшееся много лет спустя по воле правительства освобождение крепостных. Подобно еще нескольким из вернувшихся в Россию изгнанников, он будет также прекрасно улавливать спрос на революционные настроения и постарается вполне ему соответствовать: «Прежде, нежели взяться за нить действия по тайному обществу, еще отклонюсь к частной личности; полагаю обязанностью оспаривать убеждение, тогда уже вкравшееся между членами общества и как-то донныне существующее, что Павел Иванович Пестель действовал из видов тщеславия и искал при удаче захватить власть, а не имел целью чистой общей выгоды, — мнение, обидное памяти того, кто принес свою жизнь в жертву общему делу» [Волконский: 417]. Продолжая свой рассказ о Пестеле, который одно время собирался выйти из движения и отправиться за границу, Волконский напишет: «Только мои увещания, голос истинного убеждения моего заставили Пестеля отказаться от своего намерения; но как суждено было нашему обществу потерпеть неудачу, то теперь я и не рад, что отклонил его от поездки в чужие края. Он был бы жив и был бы в глазах Европы иным историком нашему делу, чем Николай Тургенев...» [Волконский: 418]. Как видим, забота о международном резонансе, о том, как посмотрит на происходящее в России «просвещенное» мировое сообщество, тоже не была чуждой мемуаристу.

Впрочем, есть в мемуарах Волконского эпизод, который один стоит едва ли не всех его записок. Вспоминая проходивший осенью 1823 г. смотр государем Александром Павловичем расположенной на Украине Второй армии, Волконский рассказал, каким образом император дал ему понять, что планы заговорщиков не являются для него тайной. По словам мемуариста, в ту пору командира пехотной бригады (два полка), царь подозвал его к себе и похвалил следующим образом: «Я очень доволен Вашей бригадой; Азовский полк — из лучших полков моей армии, Днепровский немного отстаёт — но видны и в нём следы ваших трудов. И по-моему, гораздо для вас выгоднее будет продолжать оные, а не заниматься управлением моей Империи, в чём вы, извините меня, и толку не имеете» [Волконский: 434]. Одной-единственной фразой государь и похвалил своего бригадного командира, и напомнил ему о служении царю как единственном источнике дворянских привилегий, и предостерег от самозванных, по сути — безответственных, дилетантских, целей зреющего заговора.

Замыслы эпического произведения о декабристах ни у Толстого, ни у Некрасова в полной мере не состоялись. На то существовал целый ряд вполне объективных причин. Вскоре после выступления декабристов и незадолго до своей смерти умудренный историческим знанием Н. М. Карамзин писал П. А. Вяземскому: «Бог спас нас 14 декабря от великой беды. Это стоило нашествия французов...» [Карамзин: 169]. А Толстой в пору создания «Войны и мира» утверждал: «На что много любителей Наполеона, а ни один поэт еще не сделал из него образа; и никогда не сделает» [Толстой 1928–1958. 15: 242]. Попытка наполеоновского реванша в 1825 г., характеры главных деятелей революционного движения не содержали в себе необходимых предпосылок для создания полноценного эпоса.

Уже первые критики, писавшие о «декабристских» поэмах Некрасова, если только у них не было конъюнктурных, строго «мундирных» задач, признавали их малую художественную состоятельность сравнительно с великими созданиями поэта 1840–1860-х гг. Тем не менее сам Некрасов был доволен произведенным на публику впечатлением. 26 февраля 1873 г. он сообщал брату Федору Алексеичу: «Моя поэма “Кн. Волконская”, которую я написал летом в Карабихе, имеет такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний. <...> Литературные шавки меня щиплют, а публика читает и раскупает» [Некрасов 15-2: 12]. Между тем этот успех во многом объяснялся глубокой стилистикой произведения. Нельзя сбрасывать со счетов и фактографическую новизну некрасовских поэм начала 1870-х гг. Подробнейшим образом переложенные рифмованными стихами никому в ту пору не известные записки Волконской, точно так же, как рассказанные в рифму посвященные княгине Е. И. Трубецкой фрагменты записок А. Е. Розена (изданы в Мюнхене в 1869 г. и запрещены к печатанию в России), разумеется, привлекали читающую публику. Явная оппозиционность этих поэм, их устремленный к революционным потрясениям религиозный идеал тоже вполне отвечали запросам «передовой общественности». Впрочем, возможно, с точки зрения просветительской фактографии они не утратили своего значения для юношества и по сегодняшний день.

И для Толстого в 1870 гг., и для Некрасова обращение к теме декабристов прежде всего определялось остро современной (насколько реалистичной, настолько же и умозрительной) задачей: поиском путей

соединения русских привилегированных сословий с народным миром. По этому поводу И. И. Сизова, рассматривая творческую концепцию «декабристского» произведения Толстого конца 1870-х гг., совершенно справедливо заметила: «Народ, трудовое крестьянство (земледельцы) представлялись Толстому идеалом общественной жизни и главным положительным героем. Развитие линии дворянского героя предполагало поиск путей сближения с народом» [Сизова 2019: 106]. В свою очередь, Некрасов откровенно любовался «мужицкими» чертами в образе своего дедушки, воспевал освоенное сибирским изгнанником искусство пахаря. В цикле «Русские женщины» жены декабристов открывали для себя духовный свет народной жизни и сами прикасались к ней своими страдальческими судьбами. Тем не менее этот «объединительный» (и важнейший) сюжет оказался в одном случае только намеченным, в другом — хотя и реализованным, но художественно несовершенным. Впрочем, тема декабризма, обозначенная Толстым и Некрасовым как тема национального единства — это, прежде всего, тема подлинных и подложных ценностей русского мира, которая требует отдельного рассмотрения уже за пределами этой статьи. И она, безусловно, не обещает быть простой.

28 января 1878 г., вскоре после смерти Некрасова, Толстой написал Н. Н. Страхову: «О Некрасове я недавно думал. По-моему, его место в литературе будет место Крылова. То же фальшивое протонародничество и та же счастливая карьера — потрафил по вкусу времени — и то же невыработанное и не могущее быть выработанным — настоящее присутствие золота, — хотя и в малой пропорции и в неподлежащей очищению смеси» [Толстой 1928–1958. 62: 378]. Далеко не все справедливо в этом очень субъективном суждении о двух великих поэтах XIX в. Оба они неотделимы от народного русского самосознания. Но применительно к «Дедушке» и к «Русским женщинам» (именно к этим поэмам) слова Толстого выглядят, пожалуй, наименее спорными.

Впрочем, и сам Толстой, несмотря на грандиозный «побочный эффект» работы над «декабристским» замыслом — «Войну и мир», оказался не властен написать подлинно эпическое, народное произведение на материале собственно движения дворянских революционеров. На страницах творческой истории романа о декабристах 1870-х гг. в академическом собрании сочинений писателя И. И. Сизова выразительно обрисовала момент творческого «обрыва», наступивший однажды

в этой работе Толстого: «Насколько значимым представлялся автору декабристский роман, видно из письма к П. Н. Свистуну от 25 декабря 1878 г.: “Дело, которое занимает меня, для меня теперь почти так важно, как моя жизнь” <...>. Тем не менее, в феврале 1879 г. роман был оставлен на пике творческих исканий. “Здоровье мое всё нехорошо, но работаю очень много и страстно, хотя ничего не пишу”. Это, по сути, подведение итогов в письме к Н. Н. Страху от 13... 14 февраля 1879 г. <...>. Эпоха 1820-х годов вновь увлечет Толстого в годы первой русской революции и позднее (1904–1905, 1908), но работа над произведением не возобновится» [Сизова 2014: 693–694].

Среди позднейших высказываний писателя о причинах неудачи «декабристского» замысла, как правило, не авторизованных, засвидетельствованных третьими лицами, два представляются наиболее значительными. Первое из них как совершенно достоверное однажды привел В. В. Розанов: «Кстати, о последнем, так удачно начавшемся романе, мне пришлось услышать мнение самого Толстого. Хотя и не мне сказанное. “Декабристы” не были серьезными людьми. Это не были серьезные характеры. 14 декабря было эпизодом их жизни, пожалуй, их возраста и настроения, а не плодом какой-нибудь страшной решимости, какую принимает убежденный человек как вывод из всей жизни. И я перестал писать роман, видя, что для него нет сюжета, не может хватить содержания”» [Розанов: 233]. И второе суждение, записанное П. А. Сергеенко, — в ответ на вопрос, будет ли когда-нибудь закончен роман: «Нет, я навсегда оставил эту работу, — ответил Лев Николаевич неохотно, — <...> потому что не нашел в ней того, чего искал, т. е. общечеловеческого интереса. Вся эта история не имела под собою корней» [Сергеенко: 12].

Сказанное, впрочем, никоим образом не означало, что Толстой в поздние десятилетия жизни отказался от своевольных идеалов далекой творческой поры. Говоря о характере освоения материалов истории в «Войне и мире», В. И. Щербаков пронизательно замечает: «Очевидно, что толстовская “правда” — это глубоко субъективное представление Толстого о том времени, а не убеждение, сложившееся на основе изучения каких-то фактов, неведомых историкам, ибо он сам черпал факты в основном из трудов тех же историков, нередко перенося целые страницы их “лживых” описаний в текст “Войны и мира”. <...> По-стижение истории для Толстого — это именно “воля и представление”,

мифотворческое преобразование фактического материала. История для Толстого — это прошлое, которое можно изменить» [Шербаков: 306].

Речь между тем идет еще и о некоем глубоко религиозном, в духе мятежной современности, духовном переосмыслении прошлого. Нам уже неоднократно приходилось говорить о том, что собственно «Война и мир» заключала в себе грандиозную попытку художественного пересотворения вселенной на основе субъективно-авторских понятий о жизни: «Природа больших и малых конфликтов, которые возникают в романе, при всем психологическом их разнообразии, как правило, имеет единую и совершенно определенную первопричину. Это покушение цивилизации (“головного”, отвлеченного, оформленного, сознательного начала в мироздании) против естественного бытия. Название “Война и мир”, которое часто и на разные лады интерпретировалось всеми, кто размышлял о толстовском шедевре, прежде всего означает именно такое противостояние <...> естественной жизни и цивилизации — согласно представлениям Толстого, жизни и нежизни. Действующие лица романа и до некоторой степени целые народы проходят в “Войне и мире” через бесконечные “ловушки” цивилизации, чтобы самим ходом событий, в дальнейшей жизни и даже в смерти приблизиться к торжеству толстовской эмоциональной правды и “данного нам в ощущениях” (“прелести” бытия, как любит говорить писатель) безличного сверхчувственного начала вселенной» [Гулин 2020: 172].

Далеко не случайно в «декабристском» эпилоге романа, именно в связи с возмущенными высказываниями Безухова о правительстве появилась и взятая в скобки многозначительная авторская ремарка: «Все слишком натянута и непременно лопнет, — говорил Пьер (как, с тех пор, как существует правительство, взглядевшись в действия какого бы то ни было правительства, всегда говорят люди)» [Толстой 1928–1958. 12: 182]. Эти почти иронические слова между тем содержали в себе не только наблюдение за парадоксами человеческого сознания, но и некий окончательный вывод, к которому, по мысли Толстого, все же нельзя не прийти, вникая в самую природу государственности. Сквозная формула толстовского творчества «Нет в мире виноватых», мысль о попираемом цивилизацией естественном блаженстве всех живущих были слишком хорошо различимы в «Войне и мире». Родственные декабризму западные учения о построении земного рая, кажется, уже в

то время готовы были найти в Толстом одного из наиболее своеобразных, ярких и масштабных своих последователей.

На рубеже 1870–1880-х гг. началась титаническая, обращенная непосредственно в жизнь, толстовская попытка всемирного — бескровного, как полагал он, переворота. Именно теперь, в пору беспрецедентной по интенсивности, в сущности, революционной борьбы со всем цивилизованным миром (но главным образом — с русской цивилизацией!) «декабристские начала» его жизни достигли своего всемерного развития. Так что и сами декабристы, их политическое движение, показали писателю только одним из цивилизованных покушений против естественной, вечной — божественной, согласно убеждениям Толстого, жизни непринужденного чувства. Тем не менее, своим пониманием всемогущего художника Толстой и в эти поздние годы прекрасно уловил бесперспективность темы декабристов как первоосновы для национального художественного эпоса.

XX век — время всемерного утверждения на русской почве (лишь с небольшими идеологическими оговорками) декабристского мифа. Восторженные или просто похвальные отзывы о революционерах 1825 г., культовые образы декабристов за те два столетия, когда их дело набирало силу, претворялось в жизнь, шло к своему вырождению, сделались общим местом русской исторической и художественной литературы. И все же ничего подлинно эпического, национально значимого на этой обильно возделанной почве так и не возшло. Возможно, для появления всходов здесь не хватало иного, найденного за пределами декабризма отношения к историческому явлению вместе с готовностью учитывать печальный опыт заблуждений, выстраданный поколениями предков.

Список литературы

Источники

- Волконский С. Г.* Записки. СПб.: Синод. тип., 1902. 548 с.
Герцен А. И. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966.
Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М.: Худож. лит., 1959. 487 с.
Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21: Дневник писателя, 1873: Статьи и заметки, 1873–1878. 551 с.
Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому // Старица и новизна: Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. Кн. 1. С. 1–204.

Летописи Государственного литературного музея. М.: Гос. лит. музей, 1938. Кн. III: Декабристы / ред. Н. П. Чулков. 566 с.

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб.: Наука, 1981–2000.

Розанов В. В. На закате дней: Л. Толстой и быт // *Розанов В. В.* О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 231–236.

Сергеенко П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. М.: Тов-во И. Н. Кушнерев и К°. 1898. 106 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2000 –...

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Исследования

Васильева Е. Б. А. И. Герцен и Н. П. Огарев о декабристах // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 67–73.

Гулин А. В. Богучаровский «бунт» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: источники, философия, поэтика // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 1. С. 162–177. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-162-177

Гулин А. В. Соборность или «роевое чувство»? (Русский мир 1812 года в «Войне и мире» Л. Н. Толстого) // Вестник тверского государственного университета. Серия «Филология». 2018. № 3. С. 11–22.

Гулин А. В. Роман «Кюхля» и декабристский миф: вступительная статья // Тынянов Ю. Н. Кюхля. М.: Детская литература, 2003. С. 5–20.

Сизова И. И. Лев Толстой в работе над романом «Декабристы» // Два века русской классики. 2019. № 1. С. 104–117. DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-104-117

Сизова И. И. Творческая история незавершенного романа «Декабристы» // *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2014. Т. 9. С. 669–694.

Щербаков В. И. Война 1812 года в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // 1812 год и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 235–318.

References

Vasil'eva, E. B. "A. I. Gertsen i N. P. Ogarev o dekabristakh" ["A. I. Herzen and N. P. Ogarev on the Decembrists"]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovani: vzgliad molodykh uchionykh* [Actual Issues of Historical Research: View of Young Scientists]. Novosibirsk, Parallel Publ., 2011, pp. 67–73. (In Russ.)

Gulin, A. V. "Bogucharovskii 'bunt' v 'Voine i mire' L. N. Tolstogo: istochniki, filosofii, poetika" ["The 'Rebellion' in Bogucharovo in Leo Tolstoy's 'War And Peace': Sources, Philosophy, Poetics"]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 1, 2020, pp. 162–177. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-162-177 (In Russ.)

Gulin, A. V. "Sobornost' ili 'roevoe chuvstvo'? (Russkii mir 1812 goda v 'Voine i mire' L. N. Tolstogo)" ["Conciliarity or 'Swarm Feeling'? (Russian World of 1812 in L. N. Tolstoy's 'War and Peace')"]. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya "Filologiya"*, no. 3, 2018, pp. 11–22. (In Russ.)

Gulin, A. V. "Roman 'Kiukhlya' i dekabristskii mif: vstupitel'naia stat'ia" ["The Novel 'Kyukhlya' and the Decembrist Myth: Introduction"]. Tynianov, Ju. N. *Kiukhlya* [Kyukhlya]. Moscow, Detskaia literatura Publ., 2003, pp. 5–20. (In Russ.)

Sizova, I. I. "Lev Tolstoi v rabote nad romanom 'Dekabristy'" ["Leo Tolstoy Working on the Novel 'The Decembrists'"]. *Dva veka russkoi klassiki*, no. 1, 2019, pp. 104–117. DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-104-117 (In Russ.)

Sizova, I. I. "Tvorcheskaia istoriia nezavershennogo romana 'Dekabristy'" ["Creative History of the Unfinished Novel 'The Decembrists'"]. Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 tomah* [Complete Works: in 100 vols.], vol. 9. Moscow, Nauka Publ., 2014, pp. 671–696. (In Russ.)

Shherbakov, V. I. "Voina 1812 goda v romane L. N. Tolstogo 'Voina i mir.'" ["The War of 1812 in Leo Tolstoy's Novel 'War and Peace'"]. *1812 god i mirovaja literatura* [The Year 1812 and World Literature]. Moscow, IWL RAS Publ., 2013, pp. 235–318. (In Russ.)